

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета о диссертации ЛЮ ХАОТУНА на тему:
«ВЫРАЖЕНИЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ»,

представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Защищаемое сегодня диссертационное исследование Лю Хаотуна посвящено описанию функциональных особенностей разноуровневых вербализованных средств выражения эпистемической модальности (ЭМ) в различных типах современного русского медиадискурса (с. 5). И уже на первых страницах работы автор убедительно доказывает *актуальность* выбранного направления исследования: это и «центральное место» данной категории «среди различных видов субъективной модальности», ее сущность как «особой ментальной операции, позволяющей коммуниканту понять окружающую действительность», и привлечение в качестве источника материала «различных типов медиадискурса», в частности на «пересечении устной и письменной форм речи в выбранных источниках», и «особенности системы значений субъективной модальности, в частности эпистемической модальности», которые «могут вызывать трудности при изучении и употреблении их в речи» говорящими на русском языке как неродном (с. 4-5).

Это обусловило несомненную *научную новизну*, а также *теоретическую* и *практическую значимость* работы Лю Хаотуна: в ней впервые вопрос поставлен именно таким образом, включая описание «роли выражения эпистемической модальности при формировании современного русскоязычного медиадискурса» (с. 5). Все сказанное определило и *цель* рецензируемого исследования: «описать систему языковых средств выражения эпистемической модальности на материале современного русского медиадискурса и выяснить, каковы функциональные особенности и функции средств выражения эпистемической модальности при формировании различных типов медиадискурса в современном русском языке» (с. 6), – а также тот ряд задач, которые пришлось решить для достижения этой цели.

Достаточно любопытен, по крайней мере, лично для меня, и *материал* исследования Лю Хаотуна: не только письменные, но и звучащие медиа-источники, фрагменты из которых автору пришлось расшифровать, чтобы получить возможность дальнейшего анализа. Все конкретные цифры, связанные с материалом, сегодня уже звучали. Такое подчеркнутое рассмотрение медиадискурса на пересечении устной и письменной форм речи предпринимается, пожалуй, действительно впервые.

В первой главе работы прежде всего рассматривается такое важное для исследования понятие, как *категория модальности*, в диахроническом описании которой Лю Хаотун дошел до Аристотеля (с. 13). Обзор литературы при этом не ограничивается только традиционной отечественной и западной лингвистикой: в работе Лю Хаотуна широко и подробно представлены и китайские исследования на эту тему. Обзор сопровождается множеством авторитетных имен и ссылок, волне добротным и детальным анализом всей этой литературы, многие важные положения рассматриваются в сопоставлении мнений российских и китайских лингвистов, русистов и китаистов. Пожалуй, я впервые вижу в работе по русистике такой полный обзор параллельных исследований по китаистике, что делает диссертацию Лю Хаотуна очень полезной для его научных последователей.

Не менее подробно и тщательно автор рассматривает далее *типологию субъективно-модальных значений*, в том числе понятие *эпистемической модальности*, центральное в работе, и переходит к понятиям *дискурса* (с. 39), особенно в его корреляции с текстом, а также *медиадискурса* (с. 47), в соотношении с понятиями *медиатекста* и *медиалингвистики* в целом. И снова все рассматривается очень основательно, с привлечением большого объема научной литературы.

Отдельно в работе Лю Хаотуна, и это опять особенно интересно лично мне, рассматривается понятие *дискурсивного маркера*: именно к этому классу функциональных единиц нашей коммуникации автор относит и средства выражения ЭМ (с. 56). Здесь же упоминается и *стратегия хеджирования* (с. 59), как и вообще понятие *коммуникативной стратегии* (с. 62), что еще расширяет и без того основательную теоретическую базу рецензируемого исследования.

Вторая глава работы Лю Хаотуна посвящена собственно способам реализации категории ЭМ в современном русском медиадискурсе (с. 71). Подробно обсуждается выбор материала для исследования (статья в газете, подкаст, видеоблог), а затем последовательно и вполне исчерпывающе дается описание лексических и синтаксических (то есть – разноуровневых, как и было обещано) средств выражения категории ЭМ.

Все эти средства рассматриваются последовательно во всех привлекаемых источниках, здесь много примеров и рисунков, все наглядно и понятно. Средства выражения ЭМ рассматриваются в работе не только каждое изолированно, но и в их взаимосвязи, а также с учетом некоторых индивидуальных употреблений. В специальных разделах описываются основные и вспомогательные функции средств выражения ЭМ в современном русском медиадискурсе (оценочная, эмотивная, воздействующая, контактоподдерживающая, демонстрация источника высказывания) (с. 121), а также использование этих средств для реализации различных коммуникативных стратегий (с. 125).

Мне, повторюсь, особенно интересен был материал устной формы речи – подкаста «Розенталь и Гильденстерн» и видеоблога «А поговорить?» К анализу этого материала – и основные мои вопросы и замечания. Изложу их по порядку.

1. В первой главе работы было введено и рассмотрено в ходе обзора литературы понятие *дискурсивного маркера* (ДМ) (в других терминах – *дискурсивного слова*). Было дано (с опорой на научную литературу) определение ДМ как основного средства, структурирующего и организующего дискурс, как средства «организации и оформления основной и комментирующей информации»; было сказано, что это чаще всего «частицы, вводно-модальные слова, союзы и некоторые наречия» (с. 58). Ни одного примера при этом не приведено, но не это главное. Главное, что это понятие, действительно важное и нужное для разговора о стратегиях хеджирования, так и осталось фактически только в первой главе работы. В исследовательской части речь идет, помимо лексико-грамматических групп слов со значением достоверности/недостоверности сказанного, конкретно о вводных словах и модальных частицах, которые, надо отдать должное автору, порой все же называются дискурсивными единицами, но уже без общего противопоставления знаменательных слов и дискурсивных маркеров. Остается неясным, зачем вообще было введено понятие ДМ, если потом оно практически не «работает».

2. Параллельно с понятием ДМ, и даже подчеркнуто в противоположность ему, в работе было введено и понятие *прагматического маркера* (ПМ) – снова без единого примера, хотя в моих работах, на которые ссылается Лю Хаотун, их предостаточно. Из двух

типов маркеров – ДМ и ПМ – Лю Хаотун выбирает, естественно, первый тип, хотя, как я уже сказала, дальше о ДМ почти не вспоминает. Можно было бы принять такое решение автора, если бы в типологии ПМ не было класса *маркеров-аппроксиматоров* – единиц, способных, наряду с хеджами, выражать неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, и в целом снижать категоричность высказывания, а значит, выступать в роли вербализованных средств выражения ЭМ: таких как *типа (типа того, типа того что), как бы, вроде (вроде того, вроде того что), или там* и под. То есть опять получилось, что прагматические маркеры в работе затронуты – и тут же отброшены «за ненадобностью». Тогда как надобность вполне можно тут выявить и использовать для достижения цели исследования Лю Хаотуна. Или уж вообще не упоминать ни о ДМ, ни о ПМ, а сразу выбрать анализ в терминах вводных слов и модальных частиц. Тогда и претензий бы не возникло. По крайней мере, у меня.

3. Следующее мое замечание зависит от ответа на вопрос к Лю Хаотуну, который самолично расшифровывал звучащий материал. Неужели этот материал оказался столь идеален по форме представления, что в нем не встретилось ни одного употребления *типа, как бы* или *вроде того что* – тех самых прагматических маркеров-аппроксиматоров, без которых не обходится почти ни одно устное спонтанное высказывание в русскоязычной коммуникации? Или его расшифровки были перед анализом специально «очищены» от всяческого «словесного мусора»? Судя по наличию знаков препинания, некоторое «насилие» над материалом автор все же предпринял. Но если устным текстам при расшифровке сознательно придан вид письменных, то зачем тогда говорить об устно-письменной разновидности этого материала? Устная речь тем и отличается от письменной, что без потерь не может быть «превращена» в письменную. Не исключено, что, избавившись от «словесного мусора», Лю Хаотун потерял и еще одно вербализованное средство выражения ЭМ, свойственное именно устной коммуникации (*вместе с водой выплеснул и ребенка...*).

4. Довольно много места в работе Лю Хаотуна уделено китайскому медиадискурсу, который не был заявлен ни в названии работы, ни в ее цели и задачах, ни в положениях, вынесенных на защиту, и упомянут только в разделе о материале исследования. «Китайский фон», использованный для разговора о русскоязычном медиадискурсе, – это совсем не плохо, и даже вполне традиционно для китайских диссертаций, просто вносит некоторый диссонанс между заявленным во введении и реализованным в исследовательской главе. Наверное, стоило этот аспект анализа обозначить более четко с самого начала.

5. Из мелких замечаний упомяну несколько.

Так, в очередной раз не понимаю, чем гипотеза исследования отличается от положений, выносимых на защиту, и зачем она вообще нужна в кандидатской диссертации.

Почему заявленные во введении синтаксические средства выражения категории ЭМ называются далее грамматическими? Грамматика предполагает не только синтаксис, но и морфологию. Были ли обнаружены чисто морфологические средства выражения категории ЭМ? Если к морфологии отнести сослагательное наклонение глагола, то, может, стоило сразу говорить о грамматике в целом, а не только о синтаксисе?

Можно ли безоговорочно относить к грамматическим средствам устойчивые (фразеологизированные) единицы типа *с уверенностью, с высокой вероятностью, под большим вопросом* и под.? Фразеологию традиционно рассматривают как часть лексики, а не грамматики. Вообще, средства выражения ЭМ, попавшие в данный раздел, как мне

кажется, очень разнородны: тут и предикативная единица *Это правда*, и словосочетание *оставаться скептиком*, и грамматическая конструкция *Никаких сомнений нет...*, и ряд др. Может быть, стоило как-то дополнительно дифференцировать этот материал? Пока эта группа средств выражения ЭМ вызывает у читателя много сомнений.

Не убедило меня и отнесение вводного слова *конечно* к «контактоподдерживающим» средствам выражения категории ЭМ (с. 123-124). Пример такого рода в работе всего один, а к контактоустанавливающим (а после установления контакта с собеседником – и контактоподдерживающим) средствам в лингвистике принято относить, скорее, контактные глаголы типа *знаешь*, *понимаешь*, *представь* и под., а не вводные слова со значением уверенности в сказанном.

Много в тексте работы Лю Хаотуна и разного рода шероховатостей, что порой изрядно затрудняло чтение. А при цитировании мне приходилось просто править его текст.

Замечаний и вопросов получилось много, но зато, как мне кажется, есть повод на защите поговорить, а автору – действительно защищаться.

В заключение – несколько важных формальных показателей. Основные положения и результаты исследования были обсуждены Лю Хаотуном в докладах на 3-х конференциях и в 5-ти публикациях, 3 из которых – из списка ВАК. В работе 158 страниц собственно текста и 163 номера в списке использованной научной литературы, в том числе 16 – на английском и китайском языках. В отдельных списках из 24-х словарей и источников – 4 наименования на китайском языке.

С учетом всего вышесказанного (и несмотря на высказанные замечания) полагаю, что содержание диссертации Лю Хаотуна на тему «Выражение эпистемической модальности в современном русском медиадискурсе» соответствует специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России. Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний.

Нарушений пунктов 9 и 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено. Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», и может быть рекомендована к защите в СПбГУ, а ее автор, соискатель Лю Хаотун, заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

Председатель диссертационного совета,

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка
филологического факультета СПбГУ

Н.В. Богданова-Бегларян

01.01.2024